
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
ТОК
ПОД ЗЕМЛЁЙ
КРИТИЧЕСКАЯ СРЕДА.
КНИГА СЕДЬМАЯ
Иновда опасность скрывается там,
где никто не искал провод.

Роман Штерн

Ток под землёй

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Ток под землёй / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Седьмая книга цикла «Критическая среда». Слесарь получает электротравму возле рамы, у которой нет собственного питания. Ближайший насос отключают, но опасность возникает снова — уже у соседнего ограждения. У Тимура Сафина и специалистов нескольких служб сорок восемь часов, чтобы найти скрытый путь тока и вернуть линию водоотведения. Пока резервуар наполняется, удобное объяснение грозит превратить качественную модернизацию в назначенного виновника, а быстрый ремонт — сохранить причину новой травмы.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Чужая рука 6
Глава 2. Металл без питания 12
Глава 3. Совпавшая остановка 18
Глава 4. Второе ограждение 24
Глава 5. Вместимость 30
Глава 6. После вагона 36
Глава 7. Обход для живых 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Роман Штерн
Ток под землёй

От автора

Спасибо Вам за время, которое Вы выделили для этой книги. Я ценю возможность провести часть этого времени с Вами — пусть и через написанные строки. Желаю Вам приятного чтения.

Глава 1. Чужая рука

Матвей Кузнецов не дал поставить ящик у стены.

— Потом сам его через людей таскать будешь.

Тимур держал ящик за обе ручки. На схеме, которую ему прислали утром, вдоль стены оставался свободный проход; на площадке там лежал снятый бетонный лоток, а из-под него торчала полоса старой арматуры.

— Здесь к камере короче.

— Тебе короче. А нам с тележкой поворачивать.

Матвей показал, как они подадут оснащение: от ворот, мимо наружной рамы, затем вдоль края отмостки. Пройти налегке можно было и по Тимурову варианту. Развернуть длинную тележку с арматурой — уже нет.

Тимур опустил ящик на сухую плиту возле бытового помещения.

— Так?

Матвей прикинул расстояние до двери.

— Ещё на ладонь. Дверь наружу.

Они сдвинули ящик вместе. Матвей открыл дверь до упора, закрыл и кивнул.

— Вот теперь можно на твоей карте рисовать.

— У меня там уже нарисовано.

— Поэтому я и проверил.

Было семь сорок. Над насосным участком на Деповской висело низкое светлое небо. Май кончался, но в тени приходилось работать в застёгнутой куртке. На старом бетоне блестела ночная влага; вдоль шва между плитами тянулась зелёная полоса мха. Недавно восстановленная дорожка была светлее остальной площадки. По ней ещё не успели протоптать привычный косой путь.

Тимур вынул из папки рабочую схему и положил на закрытый ящик. Утром Вера просила не занимать её полку у окна служебными бумагами. За три недели после переезда часть её папок так и осталась в коробке, зато его схемы каким-то образом освоили всю свободную поверхность.

«Я их только на вечер положил», — сказал он.

«Вечер уже третий».

Перед выходом он убрал бумаги в сумку. Теперь на сгибе схемы обнаружилась красная черта — след от школьной ручки, которой он вчера прижал угол.

— Что здесь? — спросил Матвей.

— Ничего. Не рабочая отметка.

Тимур перечеркнул черту, написал рядом пояснение и перенёс место ящика на нужную сторону прохода.

Его сегодняшняя задача была ограниченной: уточнить подходы, места ожидания, последовательность наружных работ и передать исправления следующему полевому посту. Назначение действовало по постоянному договору; принимающий после него уже подтвердил свою часть. Не надо было договариваться, кто останется, если Тимура вызовут ещё куда-нибудь.

Матвей работал слесарем водоотведения. Здесь он готовил наружный доступ к арматуре напорной линии, выведенной накануне для ремонта. Обход уже принял поток. Из-за здания доносился ровный низкий гул, иногда менявшийся на полтона; Тимур не знал, какой из работающих агрегатов слышен с этого места, и не стал угадывать.

Мастер участка вышел из бытового помещения с планшетом.

— Сафин, изменение прохода покажешь мне перед отправкой?

— Покажу. У стены лоток, на плане нет.

— Он под вывоз. Сегодня раньше обеда не заберут.

— Тогда пока считаем, что есть.

Мастер посмотрел, куда они поставили ящик, и согласился. На экране у него были принятые задания смежников. Одно подтверждение пришло, пока он стоял рядом: дорожная служба приняла уточнение места остановки машины. Мастер прочёл ответ, отправил короткую квитанцию и вернулся к своим людям. Никто не звонил прежнему ответственному и не искал человека, чью подпись ещё согласится признать чужой компьютер.

Тимур обошёл площадку с разрешённой стороны. Камера была старой, с низким бетонным бортиком и металлической рамой наружного ограждения. Рядом сохранились основания снятого навеса. На одном ещё виднелась синяя краска, на другом — только ржавые потёки. Табличка камеры не совпадала с сокращением в схеме: цифра была та же, буква другая.

Он сфотографировал обозначение, не заходя за границу своего маршрута.

— Это после переделки так оставили? — спросил он у Матвея.

— Какая переделка? Их здесь три было. Мастер скажет, по какому листу сейчас ведём.

Матвей присел у тележки, проверил, не мешает ли ремень колесу, и убрал свободный конец. Слишком длинная стяжка волочилась бы по мокрому бетону.

— Ты сегодня до скольких? — спросил Тимур.

— По смене. Потом за велосипедом.

— Опять ремонт?

— Не опять. Всё тот же. Колесо сделали, тормозов жду.

— Может, другое колесо пока отдать?

Матвей выпрямился.

— Я хочу велосипед забрать, а не филиал мастерской открыть.

Он улыбнулся, потёр нос тыльной стороной перчатки и посмотрел на небо.

— Только дождя не надо. Три дня пешком хожу, сегодня хоть прокачусь.

Тимур вернулся к ящику. Требовалось ещё отметить, где смогут разойтись люди с длинномерным оснащением, и убрать из копии проход, который существовал только на бумаге.

За спиной стукнуло колесо тележки. Кто-то попросил придержать створку. Матвей ответил обычным голосом:

— Сейчас, освобожу.

Тимур поднял голову.

Матвей стоял с наружной стороны камеры, обеими ногами на площадке. Он взялся за металлическую стойку рамы, чтобы подготовить проход. Тимур успел увидеть ладонь на окрашенном металле и то, как Матвей вдруг перестал доворачивать корпус.

Плечо резко поднялось. Потом колени подогнулись, рука сорвалась со стойки, и Матвей упал боком на бетон.

Звук был негромкий, тяжёлый. Один из работников крикнул его имя.

Тимур уже сделал движение вперёд, когда увидел, как второй слесарь шагнул к той же раме и протянул руку.

— Стой. Не трогай металл.

Слесарь остановился не сразу. Его ладонь осталась в воздухе.

— Матвей!

— Назад от рамы. Все.

Тимур говорил тихо, но работник повернулся к нему. Теперь Тимур видел его лицо — злое, растерянное, будто запрет был обращён против лежавшего человека.

Матвей не держался за стойку. Он лежал рядом, неловко подвернув руку. Тимур не мог определить, касалась ли его куртка нижнего металла, и не знал, что происходит у него под ногами.

— Возможное поражение током, — сказал он мастеру. — Вызови вашу электротехническую службу. Нужен безопасный доступ. Я вызываю медиков и спасателей.

* * *

На телефоне было восемь ноль одна.

Тимур назвал Деповскую, насосный участок, наружную камеру и ворота, через которые можно подъехать. Повторил, что человек упал после контакта с металлической рамой, источник неизвестен, приближаться пока небезопасно.

— Сколько пострадавших?

— Один. Матвей Кузнецов. Других отводим.

Его спросили о состоянии. Он посмотрел на Матвея. Тот шевельнул ногой, попытался повернуть голову.

— Движение вижу. К нему ещё не подошли. Электрическая опасность не исключена.

Он не добавил «дышит нормально». С такого расстояния этого нельзя было знать.

Мастер уже говорил со своей дежурной службой. Работники отходили от камеры, держа руки возле тела. Один оставил на бетоне сумку с инструментом и оглянулся на неё.

— Пусть лежит, — сказал Тимур.

— Там телефон.

— Потом.

Матвей застонал. Тимур услышал это отчётливо, хотя гул за зданием не изменился. Захотелось сказать ему что-нибудь простое: сейчас поднимем, сейчас всё пройдёт. Вместо этого он назвал его по имени.

— Матвей, помощь едет. Мы здесь.

Лежавший открыл глаза. Губы двигались, но слов Тимур не разобрал.

Один слесарь пошёл к воротам встречать службы. Тимур остановил его у развилки.

— Не по площадке. Вернись нашим проходом.

— Я знаю.

— Хорошо. Назови им камеру снаружи. Спускаться никто не должен.

Тимур отступил туда, где стоял ящик. Здесь можно было держать людей, не заставляя их тесниться у въезда. Он попросил водителя убрать машину с ворот, но не направлять её к пострадавшему. Освободившееся место показал мастеру. Тот подтвердил по связи, где будут встречать прибывающих.

Время между звонками не складывалось в минуты. Тимур видел отдельные вещи: ремень, который Матвей только что убрал с колеса; мокрую складку на его рукаве; белую полосу кожи между перчаткой и манжетой. В какой-то момент он поймал себя на том, что сжимает левую кисть так сильно, что ногти правой руки вдавились в ладонь.

Скорая остановилась у ворот. Медицинские работники не побежали через площадку. Тимур встретил их у машины и сразу показал опасную сторону.

— После касания рамы. Упал туда. Больше никто не подходил.

— Контакт прекратился?

— Руку отпустил. Что с поверхностью — не знаю.

Следом прибыла спасательная группа. Руководитель принял сведения у мастера и дежурного электротехнического работника участка. Тимура попросили остаться у прохода: там уже собирались люди из соседнего здания.

Дальше он видел работу по частям. Специалисты оценили путь к Матвею, подготовили средства защиты от повторного поражения и согласовали действия между собой. Их короткие команды были не похожи на обсуждение у ящика двадцать минут назад. Никто не пробовал раму рукой, никто не предложил считать её безопасной только потому, что рядом не было электропривода.

Когда руководитель спасательной группы разрешил начать извлечение, Тимур удерживал свободным проход к медикам. Он мог смотреть на Матвея или на людей у ворот. Приходилось смотреть на людей.

— Отойдите за дверь. Здесь сейчас понесут.

— Мы с ним работаем.

— Поэтому освободите.

Матвея передали медицинской бригаде вне закрытой площадки. Тимур подошёл лишь тогда, когда его позвали уточнить время. Пострадавший был в сознании. Лицо у него стало серым, на виске прилипла бетонная пыль.

— Около восьми, — сказал Тимур. — Звонок у меня в восемь ноль одну. Между падением и звонком меньше минуты, точнее не скажу.

Медицинский работник повторил вопрос Матвею. Тот ответил не сразу. Тимур слышал обрывки: боль, рука, не помнит. Не пытался составить из них диагноз.

Матвей повернул к нему голову.

— Сумка…

— Осталась там. Сохранят. Достанем, когда разрешат.

— Не рабочая. В раздевалке.

— Понял. В раздевалке.

Медик попросил Тимура отступить. Он отошёл, хотя ему казалось, что Матвей ещё хотел что-то сказать.

Начальница участка Алёна Берестова приехала, когда бригада готовила его к перевозке. Куртку она надела поверх домашнего джемпера, волосы были стянуты простой резинкой. Сначала подошла к медикам, затем к мастеру.

— Сопровождение от нас есть? Кто документы передаст?

Мастер назвал работника. Берестова проверила, что тот понял задачу, и только после этого повернулась к Тимуру.

— Вы видели начало?

— Касание и падение. До этого разговаривали.

— Останьтесь, пожалуйста.

Матвея увезли живым. Когда двери машины закрылись, слесарь, первым шагнувший к раме, спросил:

— Он будет работать потом?

Тимур смотрел на заднее окно машины. За стеклом ничего нельзя было различить.

— Не знаю.

— Ну ты же видел его сейчас.

— Видел. Он у врачей.

Слесарь отвернулся. Тимур понял, что от него ждали не сведений. Он всё равно не нашёл другого ответа.

* * *

К половине девятого привычный путь к камере оказался перерезан переносными ограждениями. Их ставили с разрешённой стороны, не используя старую раму как опору. Берестова остановила наружные работы и запросила закрытие смежных подходов у соседнего владельца. Ответ пришёл по рабочему обмену; его дежурный подтвердил, что людей предупредили и служебную калитку больше не используют.

Обход водоотведения продолжал работать. Мастер сверил текущий режим с дежурной, а Берестова отдельно распорядилась сохранить контроль уровней. О сроке ремонта она пока не спрашивала. До арматуры ещё нельзя было безопасно дойти.

Тимур сидел на низкой ступеньке у бытового помещения. Писать на колене было неудобно, но возвращаться к ящику ради ровной поверхности не хотелось. На схеме он отметил положение Матвея перед падением, своё место и направление, с которого смотрел.

Мастер остановился рядом.

— Значит, взялся, его ударило, и он отскочил?

Тимур поднял голову.

— Я не видел, чтобы отскочил. Он упал.

— Я для записи.

— Так и запиши. Ты что видел?

Мастер помолчал.

— Услышал крик. Повернулся, он уже лежал.

— Тогда у нас разные записи.

— Я не предлагаю ничего скрывать.

— Я тоже. Просто начало у нас разное.

Мастер присел на другую ступеньку. Его планшет всё время гас, и он раздражённо касался экрана.

— Вызов у меня тоже сохранился. Только я сначала вашей стороне сказал, потом дежурному.

— Укажи оба.

В помещении сотрудница участка собирала первичные материалы: задание на наружную подготовку, существовавшие записи допуска, схему работ, сведения очевидцев. Для технического разбора открыли отдельный перечень ТП-01. Старые номера переходной операции сюда не переносили.

Берестова прочла Тимурову запись.

— Здесь «поражение током» — вы это как установленное пишете?

Он посмотрел на свою строку и взял ручку.

— Нет. Предположил по тому, что увидел. Сейчас разделю.

В первой части остались ладонь на стойке, движение плеча, падение и отсутствие спуска в камеру. Во второй — его предположение об электрическом воздействии и действия после него. Напряжения в записи не было. Не было и утверждения, что Матвей нарушил порядок работы.

— Официальное подтверждение от медицинской службы приложим, когда получим в нужном объёме, — сказала Берестова. — Сейчас ваша подпись только под тем, что знаете.

Он подписал.

Оригиналы оставались на участке. Сотрудница сделала разрешённую копию его схемы и вернула папку. Инструмент и тележку за ограждением никто не трогал. Тимур снял общий вид с безопасного места, обозначил время съёмки и передал снимок через служебный канал, не рассылая его бригаде.

— «Резерв» нужен? — спросила Берестова.

— Для общей работы — да. Здесь несколько подходов и владельцев. Но сначала лаборатория.

— Приглашение Шаховой отправила. Пусть связывается со мной.

Тимур кивнул. Ирина не должна была приезжать, чтобы разрешить Берестовой остановить собственный участок. Остановка уже действовала.

Из раздевалки принесли Матвееву сумку — обычную тёмную, с вытертым ремнём. Её положили возле сотрудницы, которая связывалась с сопровождающим. Тимур узнал на боковом кармане маленький велосипедный фонарь.

Он хотел проверить, застёгнут ли карман. Рука уже потянулась к молнии, когда женщина сказала:

— Примем по передаче. Не открывайте пока.

— Да.

Он убрал руку и вышел.

Возле ворот стояли четверо работников. Ещё один разговаривал с мастером у бытового помещения, шестой был назначен на сопровождение. Тимур пересчитал их, затем открыл список утреннего состава. Всё сходилось.

Через минуту он пересчитал снова.

Электротехническая лаборатория приехала без сирены, на фургоне с закрытыми боковыми окнами. Из машины вышла женщина, сняла перчатки и представилась Берестовой:

— Аделина Михайловна Орлова. Руководитель лаборатории. Кто передаёт обстановку?

Берестова показала на мастера и Тимура. Орлова выслушала обоих, спросила, какие действия успели выполнить местные специалисты и спасатели, и попросила записи. Потом развернула свою схему участка.

— Мне нужен путь нашего оборудования. Не прежний рабочий проход, а то, что сейчас разрешено.

Тимур протянул исправленную карту.

— Здесь встречали службы. Эти подходы закрыты. У стены лоток, с ящиками не пройти.

Орлова посмотрела на него, потом на ворота.

— Люди все выведены?

— Да. Матвея увезли медики. Остальных шестеро: один уехал на сопровождение, здесь пятеро.

Он снова повернул голову к группе.

Берестова остановила его:

— Тимур. Мастер состав проверил, я приняла. Второй раз не надо. Покажите лаборатории место разгрузки, это сейчас не сделано.

Ему захотелось ответить, что он никому не мешает. Вместо этого он убрал список и пошёл к фургону.

К девяти на его схеме появилась новая граница. Она пересекала аккуратную утреннюю стрелку, по которой Матвей собирался подать тележку. Ящик стоял там, где они вместе его оставили, дверь бытового помещения открывалась свободно.

У рамы не было ни двигателя, ни кабеля, который Тимур мог бы увидеть со своего места. На краске оставалось мокрое пятно. Он точно помнил, куда легла Матвеева ладонь.

Орлова приняла карту и повернулась к своим сотрудникам. Тимур остался снаружи ограждения. Показать место он мог. Назвать то, от чего теперь следовало защитить людей, — ещё нет.

Глава 2. Металл без питания

Орлова положила карту на откидной столик фургона и прижала её пустым чехлом.

— Покажите отсюда. Дальше со мной не идите.

Тимур остановился рядом с задней дверью. Он собирался объяснить, что возле плиты есть уступ, незаметный со стороны ворот, и уже сделал полшага за сотрудником лаборатории.

— Там край выше. С ящиком его не видно.

— Отметьте на карте. Мои люди дальше работают по нашей программе.

Она говорила без раздражения, от этого возразить было труднее. Тимур вернулся к столику, обозначил уступ и показал, где кончалась ровная полоса. Орлова посмотрела, позвала сотрудника обратно и передала ему уточнение. Тот прочёл, кивнул. Тимуру оставалось убрать руку с бумаги.

В девять утра бетон ещё не просох. Влага лежала в углублениях, хотя на открытом месте уже светлело. На площадке ничего не двигалось: ни оставленная тележка, ни ручка инструмента за бортиком. Люди лаборатории расположились иначе, чем утренняя бригада, — оборудование оставили у фургона, рабочую зону обозначили отдельно. Прежний короткий путь к раме теперь не использовали даже для переноса пустого чехла.

Орлова просмотрела записи местных специалистов и спасателей. Уточнила, что было отключено до извлечения Матвея, какие проверки выполнили и для какого именно действия разрешили доступ. Временное решение, позволившее оказать помощь, она не стала переносить на ремонтную работу.

— Кто отвечает за наружное ограждение? — спросила она.

Мастер назвал дежурного участка и показал его у ворот.

— А за калитку с другой стороны?

— Соседний владелец. Подтверждение у Берестовой.

Тимур открыл сообщение и подал экран. Орлова прочла, вернула телефон.

— Вот это мне от вас нужно. Чтобы никто не вошёл с тыла, пока здесь меняется расстановка.

— Я могу пройти вдоль…

— По согласованному наружному маршруту. Не вслед за измерительной группой.

Он ответил слишком вежливо:

— Разумеется, Аделина Михайловна.

Она подняла на него глаза.

— Вы здесь знаете площадку. Я её не знаю. Но измерения веду я. Если вам что-то кажется неправильным — скажите. Самостоятельно приближаться, поправлять или помогать не надо.

— Понял.

Он и прежде не собирался трогать приборы. Только хотел быть рядом, когда выяснится, что произошло. Произнёс бы он это вслух, пришлось бы объяснять, зачем для этого стоять возле чужого плеча.

У ворот водитель участка собирался переставить машину. Тимур остановил его до поворота: новый путь оборудования лаборатории пересекался с прежним местом стоянки. Позвал мастера, показал обе траектории. Машину оставили снаружи, а для разгрузки отвели полосу у бытового помещения. Это заняло несколько минут и впервые после отъезда медиков имело понятный конец. Водитель повторил, где будет ждать; мастер сообщил об изменении Берестовой.

Когда Тимур вернулся, у Орловой уже работал регистратор.

На небольшом экране менялись значения. Рядом лежал лист с привязкой точек, обозначениями приборов и временем начала. Тимур не знал смысла всех граф и не пытался угадать его по цвету линий. Он видел только, что ровного участка почти не было.

Один из сотрудников передал Орловой результат. Она не ответила сразу: сверила соединения по своей схеме, запросила контрольную запись, затем сравнила два канала. Во время следующей проверки показание изменилось, но не исчезло.

Мастер, стоявший рядом с Тимуром, наклонился к экрану.

— Это на самой раме?

— Между рамой и местной поверхностью, где мог стоять человек, — сказала Орлова. — Не просто «на раме». Для этого результата важно, с чем сравниваем.

— Прибор не подбирает что-нибудь?

— Поэтому мы не ограничились первым показанием.

Она повернула к нему лист, не предлагая подойти к измерительным точкам.

— Проверили измерительную цепь. Получили согласующийся результат другим прибором. И проверка по предусмотренной нагрузочной схеме подтвердила: это не только напряжение, которое показывает чувствительный вход без способности отдать значимый ток. Здесь опасное состояние.

Тимур посмотрел на стойку. На расстоянии она была такой же, как час назад: окрашенный металл, облупленный угол, тёмный край у бетона. Он помнил, как Матвей выбирал место для ящика. Пальцы тогда свободно разжались на ручке, ладонь прошла по куртке, убирая грязь. Следующее движение руки Тимур старался не восстанавливать, но оно возникало само.

— В момент падения было столько же? — спросил мастер.

— Этого измерения у нас нет. Нынешние показания на восемь утра не переносим.

— Но не просто поскользнулся.

— Сейчас у конструкции подтверждена электрическая опасность. Обстоятельства травмы будут сопоставляться с медицинским заключением и свидетельствами. Не дописывайте в них наши сегодняшние цифры.

Она вернулась к регистратору. Мастер отошёл звонить Берестовой.

Тимур остался у фургона. На листе рядом с точкой измерения было указано состояние поверхности — влажная. Он поймал себя на желании посмотреть, высохло ли место, куда упал Матвей. Будто сухой бетон мог вернуть раме прежнее назначение.

— У неё нет своего питания, — сказал он.

Орлова не оторвалась от записи.

— У рамы — нет.

— И привода нет.

— Это не мешает ей оказаться под напряжением откуда-то ещё. Отсутствие провода, который вы видите, пока говорит только об отсутствии видимого провода.

Она закончила строку, затем всё-таки посмотрела на него.

— Вы правильно остановили людей. Теперь нам надо выяснить источник и путь. Это разные вопросы.

Тимур кивнул. Ему хотелось, чтобы хотя бы один из них уже имел ответ.

К половине десятого Берестова пришла с представителем эксплуатации местного оборудования. Тот принёс схему питания и остановился так, чтобы не заслонять Орловой экран.

— Ближайший работающий агрегат — техническая вода, — сказал он. — Насос в пристройке. Кабельная трасса идёт вдоль этой стены.

— Что он сейчас обеспечивает?

— Перекачку между служебными ёмкостями. К обходу канализации не относится.

Берестова указала на другом листе действующую схему водоотведения.

— Обход работает отдельно. Его не трогаем без собственного решения.

Эксплуатационник посмотрел на стойку за ограждением.

— Значит, от насоса пришло?

— Значит, у нас есть местное оборудование, которое нужно проверить, — ответила Орлова. — Неисправность насоса пока не установлена.

— Можем вывести.

— Готовьте по вашему порядку. Сначала подтвердите последствия остановки и фактический состав отключения. Нам нужна запись состояния, а не только команда.

Он отошёл к машине, набирая номер. Уже у двери сказал в трубку:

— По насосу вопрос. Да, здесь на раме…

Тимур не слышал продолжения. Двое работников возле бытового помещения тоже услышали слово «насос». Один повернулся к пристройке, другой что-то сказал ему, и оба посмотрели туда с одинаковым облегчением: появилась вещь, которую можно отключить, вскрыть, отремонтировать.

Тимуру самому стало легче. Настолько быстро, что он устыдился этого и отвернулся к карте.

Орлова внесла в рабочий лист предполагаемый местный источник. Рядом оставила пустое место для результата проверки.

***

К десяти подготовка отключения ещё не закончилась.

Эксплуатационник вернулся с подтверждением руководителя. В ёмкостях было достаточно свободного объёма для остановки в согласованном интервале; контроль уровня приняли на местном посту. Автоматического возврата агрегата не предполагалось. Если условия изменятся, пост должен был обратиться к своему руководителю, а не включать насос по прежнему расписанию.

Берестова отдельно связалась с диспетчером водоотведения. Тимур слышал, как она попросила проверить работу обхода и текущие уровни после изменения местного режима. Не потому, что один насос питал всё, а чтобы у следующей смены не осталось двусмысленного «насосная отключена».

— В сводке пишите какой агрегат, — сказала она. — Водоотведение продолжается.

Тимур перенёс это уточнение в карту. Около закрытой зоны стояло «наружный доступ запрещён», у действующего обхода — его собственная линия связи. Эти записи не противоречили друг другу, хотя с дороги участок выглядел остановленным целиком.

Пришедших электриков он встретил у ворот. Один нёс сумку, второй — папку с заданием. Тимур показал им путь к пристройке и место, за которое наружу выходить нельзя. Тот, что с папкой, уточнил расположение двери и повторил маршрут. Дальше их принял работник владельца.

Тимур сделал шаг вслед и остановился сам.

Орлова, стоявшая у фургона, ничего не сказала.

Из пристройки доносился ровный негромкий гул. Тимур раньше почти не замечал его: звук растворялся в работе обхода, шуме улицы, разговорах. Теперь он слушал именно его и ждал, когда замолчит.

Команда на отключение пришла по служебной связи. Орлова отметила её, но на листе состояния оборудования оставила место пустым. Через несколько минут владелец подтвердил выполнение предусмотренных отключений и меры против непреднамеренного включения.

Гул исчез. Другой, более низкий звук остался — работало то, что продолжало отводить стоки.

Почти сразу сотрудник лаборатории подался к регистратору.

— Снижается.

Тимур увидел, как линия ушла вниз. Не одним аккуратным уступом, а с колебаниями, словно ей мешали остановиться. Орлова попросила сохранить исходную запись без изменения масштаба, затем вывела рядом увеличенный участок.

Эксплуатационник ждал возле открытой двери фургона.

— Ну вот.

Орлова сверила время.

— Отключение выполнено. Снижение зарегистрировано.

— Так я и говорю.

Она посмотрела на него.

— Я пока сказала два события. Не причину.

Он сжал папку под мышкой.

— А что ещё должно совпасть?

— Нам нужно проверить сам агрегат, связанную с ним сеть и устойчивость результата. Сейчас мы не знаем, почему показания изменились именно так. Обратно включать ради проверки нельзя.

Тимур смотрел на низкую линию и понимал недовольство эксплуатационника. Они сделали разумное действие, получили ожидаемое изменение — и всё равно остались у закрытой площадки. За ограждением ждали подготовленные детали, инструмент, тележка. У людей был навык, наряд, желание закончить начатое. Не хватало того, что утром вообще не приходилось обсуждать.

Мастер подошёл к Берестовой.

— Если низко, может, хотя бы инструмент забрать? Он для следующего участка нужен.

Берестова не ответила вместо лаборатории.

— Аделина Михайловна?

— Нет. По нынешнему результату доступа не даю. Уровень сейчас низкий, источник не установлен. Даже короткий заход — это заход человека.

Мастер помолчал, глядя на рукоятку за бортиком.

— Тогда со склада другой возьмём.

— Оформляйте, — сказала Берестова. — Этот остаётся.

Она не произнесла ничего о потерянном времени. Просто достала телефон и запросила комплект на замену. Тимур подумал, что, будь ответ не таким спокойным, ему было бы легче: он мог бы вмешаться, объяснить, поддержать запрет. Здесь никто не требовал от него убеждать других.

Орлова ещё раз проверила регистрацию. Измерительная система осталась на месте, защищённая от случайного вмешательства; наблюдение продолжалось из-за границы закрытой зоны. Владелец подтвердил сохранение отключённого состояния оборудования. Дежурному передали порядок сообщения о любых изменениях.

— До какого часа наблюдаем? — спросила Берестова.

— Сейчас закрепим следующий интервал и передачу, — ответила Орлова. — Но не пишите, что в конце интервала автоматически открываем. По результату будет отдельное решение.

— Мне нужно, что сказать ремонтной бригаде.

— Доступ не восстановлен. Продолжение — после нового подтверждения условий. Время следующего сообщения дам, время допуска пока нет.

Берестова записала именно это.

Для материалов лаборатории отвели ТП-02. Тимур увидел в перечне не только результаты: схему измерений, состояние поверхности, приборы, контрольные проверки, записи режима оборудования. Сам журнал оставался у лаборатории. Для общего разбора готовили разрешённый комплект, не снимок одной удачной линии.

В десять сорок Берестова ушла к диспетчерской связи. Ирина приняла приглашение на совместную работу; теперь требовалось передать ей сведения, с которыми можно было ставить задачи другим службам.

Тимур освободил откидной столик для сотрудника лаборатории и впервые за утро достал личный телефон.

***

Вера написала за несколько минут до этого:

«Увидела сообщение об участке на Деповской. Ты там? Сам не пострадал?»

Он набрал: «Там. Я цел. Матвей жив, у врачей».

Перечитал и отправил. Медицинских подробностей у него не было, и запрашивать их ради домашнего ответа он не собирался. Но Вера спросила другое.

«Ты как? Можешь говорить?»

Тимур отошёл к бытовому помещению, туда, где не было голосов в служебной связи, и позвонил.

— У меня перемена, — сказала она. — Следующий класс через шесть минут. Что случилось?

— Работник упал возле конструкции. Предположили ток. Теперь лаборатория подтвердила опасность. Его увезли живым.

— Ты рядом был?

— Да.

За стеной хлопнула дверь. Тимур резко повернулся и увидел сотрудника с пустым контейнером. Тот пошёл к машине, не приближаясь к закрытой зоне.

— Тимур?

— Слышу.

— Я не про диагноз спрашиваю. С тобой что?

— Нормально. Работаем. Место закрыто, специалисты на месте.

Он услышал собственный голос: чистый, ровный, как при передаче обстановки человеку, которому нельзя сообщать лишнее.

Вера помолчала.

— Хорошо, что ты цел.

— Да. Слушай, на полке я всё убрал. Только синяя папка могла за лампой остаться. Она моя, не школьная.

— Я знаю, какая твоя.

— Если мешает, положи на мой стол.

— Она не мешает.

В коридоре у Веры кто-то позвал её по имени-отчеству. Она ответила: «Сейчас», — не закрывая телефон.

Тимур прижал ладонь к боку куртки. Под тканью лежала складка, и он почему-то всё пытался её разгладить. Перед глазами снова было движение Матвеева плеча. Он мог сказать, что испугался. Одно короткое слово не задержало бы её перед уроком. Вместо этого спросил:

— Вечером хлеб нужен?

— Вчерашний есть. Ты помнишь?

— Помню.

— Я не знаю, когда освобожусь после школы. Не рассчитывай ужин по мне, напишу.

— Хорошо.

— И ты напиши, когда закончишь свою часть.

— Напишу.

После разговора он ещё несколько секунд держал телефон возле уха. Вера не требовала обещания прийти вовремя и не просила его уйти с участка. Тем не менее он почувствовал облегчение, будто удалось отбить трудный вопрос.

Потом это облегчение прошло.

У ящика возле бытовки скопилась вода от мокрого чехла. Тимур вытер край схемы, убрал её в прозрачную папку и пошёл вдоль наружной границы. Дежурный участка стоял на назначенном месте. Служебная калитка оставалась закрыта. У поворота всё ещё висело предупреждение, закреплённое мастером.

Тимур проверил его крепление взглядом, затем достал карту, чтобы сверить расположение.

— Сафин.

Орлова шла от фургона. Он повернулся.

— Что-то изменилось?

— Нет. Проверяю, чтобы обход не пересекался.

— Вы уже передали маршрут. Ответственный его принял.

— Я вижу.

— Тогда зачем проверяете второй раз?

Он хотел сказать, что лишней проверки не бывает. Удержался: видел, как именно она становится лишней. Дежурный смотрел то на него, то на Орлову, ожидая, кто сейчас изменит порядок.

— Не обнаружил нового, — сказал Тимур.

— Если обнаружите — сообщите ему и мне. Но второй неофициальный пост здесь не нужен. Иначе люди начнут ждать вашего кивка вместо ответа назначенного работника.

Она произнесла это негромко. Дежурный отвёл взгляд, давая им закончить разговор.

Тимур убрал карту. Ему было неприятно, сильнее, чем следовало из замечания. Он не спорил с измерениями и не переходил ограждение. Всё, чего он хотел, — ещё раз убедиться, что никто не сделает того движения, которое сделал Матвей.

— Принято, — ответил он.

Орлова задержалась рядом.

— Мне нужна исправленная привязка места разгрузки для следующей группы. Вашу копию можно передать без вас?

— Можно. Там поворот отмечен.

— Проверьте, что отметка понятна принимающему. Это будет полезнее.

У столика Тимур раскрыл приложение, убрал старую стрелку из действующего маршрута и обозначил место ожидания машины. Отправил через рабочий канал. Принимающий сотрудник открыл схему, спросил про уступ у плиты. Тимур пояснил, добавил короткую подпись. Следующий ответ пришёл уже без вопроса: маршрут принят.

Было без двух минут одиннадцать.

На регистраторе сохранялись низкие значения. Отключённый агрегат молчал, обход работал. Дежурный сам остановил подошедшего водителя и направил его к новому месту ожидания, не оглядываясь на Тимура.

Тимур застегнул папку. Его следующая работа была у фургона, за спиной. Он ещё немного постоял лицом к раме, потом повернулся и пошёл туда, куда передал свою карту.

Глава 3. Совпавшая остановка

На экране насос остановился дважды: в журнале участка и на четыре минуты позже — в общей ленте.

Дарья сняла очки, протёрла линзы краем салфетки. Разница не исчезла.

В депо было одиннадцать утра. За стеной короткими очередями работал гайковёрт; после каждой паузы казалось, что наконец закончили, но звук начинался снова. Дарья прикрыла дверь. На столе лежало сегодняшнее поручение, под ним — схема разрешённых источников. Насосный участок, его эксплуатационная служба, лаборатория Орловой и транспортный диспетчер по обозначенному коридору. Никаких прежних чрезвычайных прав в списке не было.

Доступ уже работал. Дарья открыла приложение, получила ответ хранителя и вошла в просмотр под своей ролью. Ей не пришлось звонить Каревой, просить кого-нибудь оставить старый сеанс или ждать, пока Елена подтвердит каждую фамилию. Независимые держатели признали назначения; владельцы передали согласованный состав. В этой части всё, ради чего они весной не спали по ночам, теперь занимало несколько обычных действий.

Содержание оказалось менее удобным.

Эксплуатационная запись называла агрегат насосом технической воды. На общей схеме возле пристройки было просто «насосное оборудование». Дарья исправила подпись в своей рабочей таблице, не трогая исходник: перекачка между служебными ёмкостями, к обходу водоотведения не относится. Ниже поставила отдельную строку обхода. Его работа продолжалась.

Из лаборатории пришёл фрагмент регистрации. У кривой были номер канала, начало сеанса и ссылка на измерительную схему. В приложении Орлова обозначила, между какими точками получены значения и какими контрольными проверками подтверждена опасность. Дарья не стала переводить этот комплект в одну колонку «напряжение рамы». Слишком многое исчезало при таком сокращении.

Она наложила кривую на события оборудования.

После высокого неровного участка линия опускалась почти к основанию графика. Рядом стояла вертикальная отметка отключения. Несколько минут — вполне правдоподобное время для цепочки «команда, выполнение, изменение показаний». Дарья уже представляла, как это будет выглядеть на коротком согласовании: одна страница, две линии, ясное основание следующей проверки.

Она набрала:

«Снижение зарегистрированной разности потенциалов следует за выводом местного агрегата…»

Остановилась на слове «следует».

В общей ленте отметка называлась «получено». Дарья раскрыла её. Время относилось к поступлению подтверждения от участка. В исходном журнале стояла запись об исполнении, внесённая после местной проверки. Ни одна из двух меток не была временем, когда контакты выключателя разошлись.

На кривой лаборатории время шло от часов регистратора. В приложении была их утренняя сверка, но в её таблицу попала только сама отметка, без поправки и границ погрешности.

Дарья выделила фразу целиком и перенесла в поле неподтверждённых выводов.

Телефон завибрировал. Берестова.

— Получили?

— Да.

— По насосу можно что-нибудь сказать к половине двенадцатого? Мне нужно понимать, что оставлять в программе.

— Пока только то, что отключение и спад попадают в близкий интервал.

— На месте тоже это видели.

— Видели спад. Я ещё не установила порядок по времени.

В трубке ненадолго стало тихо. Потом кто-то рядом с Берестовой спросил о другом комплекте инструмента.

— Да, сюда, — ответила она не Дарье. — У бытового помещения. За ограждение не заходить.

Затем вернулась к разговору:

— Мне не нужно красивое заключение. Мне нужно, что делать дальше.

Дарья посмотрела на аккуратную вертикальную черту. Её хотелось оставить: она делала случившееся понятнее, чем оно было.

— Продолжать регистрацию. Насос ради сравнения не включать. Для сопоставления мне нужен интервал фактического отключения, не время доставки ответа. С владельцем сама свяжусь.

— Орлова обратное включение уже исключила. Запрос направляйте. Я подтвержу, какие местные записи относятся к действию.

Дарья убрала вертикальную черту. Вместо неё появилась широкая полоса неопределённости.

Из-за стены снова ударил гайковёрт.

* * *

Представитель эксплуатации подключился из комнаты с низким потолком. Дарья узнала его по короткой записи утреннего согласования: тот самый человек, который предоставил схему питания и организовал вывод агрегата через владельца.

— Вы что, сомневаетесь, что мы отключили? — спросил он.

— Нет. Мне нужно знать, когда. И что подтверждает состояние после.

Он придвинул к себе журнал.

— Команда отдельно, исполнение отдельно. Подтверждение отправили, когда закончили проверку.

— По каким часам писали?

Мужчина посмотрел на стену за камерой, затем позвал дежурного. Дарья подождала, не заполняя паузу объяснениями.

Оказалось, что одна запись была сделана по часам рабочего места, другая — по наручным часам исполнителя. Посекундного журнала выключателя на этом агрегате не было. Зато сохранились служебный разговор с докладом о выполнении и местная запись окончания проверки. Вместе они ограничивали событие интервалом, достаточным для работы, но не для красивого щелчка на графике.

— Нельзя взять время подтверждения и отнять четыре минуты? — спросил представитель эксплуатации. — Оно же сразу ушло.

— Четыре минуты — разница между двумя записями. Мы пока не знаем, из чего она состоит.

Он выдохнул, отложил ручку.

— Сейчас сверим с дежурным. Точное время придумывать не будем.

Дарья оставила соединение открытым и перешла к лабораторному приложению. Орлова прислала сведения об опорных часах и проверках регистратора в начале и в конце выделенного фрагмента. Поправка оказалась небольшой, но её следовало применять ко всему подтверждённому интервалу, а не двигать кривую до желаемого совпадения.

К одиннадцати тридцати два события можно было поставить рядом без натяжки. Развести их уверенно на «сначала» и «потом» всё ещё не получалось: интервалы перекрывались.

Дарья сохранила результат.

В сообщении хранителя стояла отметка проверки целостности файлов. Она вынесла её в опись, не в колонку достоверности событий. Совпадение контрольных сумм означало, что ей передали именно сохранённые записи. Часы исполнителя от этого не становились точнее.

Пришла транспортная выгрузка. Она открыла её на втором экране.

Плановые прохождения и фактические отметки были разделены, но не везде. Для одного вагона имелось время приёма навигационной точки, для другого — само время наблюдения. Между отметками оставались промежутки. Внизу стояло пояснение диспетчера: перечень составлен по пассажирским заданиям, служебные перемещения требуют отдельной выборки.

Дарья набрала номер.

— Мне нужно понять границы вашего состава. Если здесь нет прохождения, это значит, что в коридоре не было вагона?

— Нет, — ответила диспетчер. — Это значит, что в этой выгрузке нет такой отметки. Расписание рядом для сравнения. По служебным я ещё не получила ответ.

— А режим электроснабжения?

— Не у меня. Могу передать запрос нашему дежурному руководителю, он назначит получателя.

— Передайте, пожалуйста. Фактические режимы за утренний интервал и дальше на время регистрации. Без предположений по расписанию.

— Поняла. У вас обследование продолжается?

— Да. Источник пока не установлен.

Диспетчер повторила предмет, назвала срок ответа. Через минуту Дарья увидела принятие запроса следующим получателем. Не готовые данные, но уже и не письмо, за судьбой которого нужно было следить самой.

Она развернула оба экрана. Графики движения могли помочь; пока они не объясняли, какая электрическая нагрузка существовала в конкретный момент и где проходили её границы. Пустота между двумя пассажирскими отметками не была выключенной сетью.

В половине двенадцатого Дарья отправила Берестовой короткий промежуточный ответ: порядок первого отключения и спада в пределах имеющейся точности не разделён; совпадение по времени сохраняется; причинная связь не установлена.

Ответ пришёл быстро:

«Принято. В программу как гипотезу, без разрешения доступа».

Дарья откинулась на спинку стула. На столе осталась чашка, которую она наполнила перед началом работы. Чай уже не пах. Она сделала глоток и только тогда поняла, как крепко всё это время сжимала мышь.

В одиннадцать сорок шесть позвонила Орлова.

— Новый подъём. На том же канале. Передаю фрагмент, но пока не используйте его как подтверждённый результат.

Дарья поставила чашку.

— Что проверяете?

— Измерительную цепь и контрольную запись. Схему не меняли. Людей в закрытой зоне нет.

— Насосное состояние запросить?

— Да. За весь интервал, не только на эту минуту.

Дарья открыла связь с эксплуатацией. На экране ещё оставался прежний график со спокойным нижним участком. Новые точки появились справа, резко поднялись и некоторое время держались выше.

Ей захотелось сразу позвонить Ирине. Не потому, что стало страшнее: впервые за утро возникло наблюдение, которое могло отсечь удобную версию. Она удержалась. На экране мог

быть сбой, смена диапазона, нарушение контакта измерительной цепи. Орлова именно это и проверяла.

— Агрегат не возвращали, — сказал представитель эксплуатации. — Сейчас получите подтверждение дежурного.

— С момента вывода?

— С момента вывода. Автоматический пуск исключён. Местная проверка состояния была, запись приложим.

— А какие-нибудь действия по этой установке после отключения?

— Нет. Уровни служебных ёмкостей смотрим отдельно. По обходу никаких изменений из-за этого не делали.

Он говорил уже без утренней надежды. Дарья услышала, как за его спиной передвинули стул.

— Тогда от нас что требуется? — спросил он.

— Сохранить состояние и записи. Дальше — по вашей согласованной программе с лабораторией.

Она не добавила «насос ни при чём». Для этого оснований тоже не было. Новое событие могло опровергнуть достаточность насосной версии, но не выдать всей установке свидетельство безупречности.

Орлова вернулась на связь через несколько минут.

— Подтверждаем. Это изменение между обследуемыми точками, не сбой передачи. Контрольная регистрация согласуется, состояние измерительной системы проверено. Опасное состояние повторилось.

Дарья открыла новый фрагмент. Исходная запись шла непрерывно, без вырезанного низкого участка. К ней были приложены условия проверки и времена контрольных действий.

— Доступ по-прежнему закрыт? — спросила она.

— Да. Он и не открывался.

— Нужно уточнить точность времени этого подъёма.

— В нынешнем сеансе привязка подтверждена. Пределы указала в приложении.

Дарья увидела их. Повторное событие было датировано увереннее первого спада. Весь его интервал лежал внутри подтверждённого отключённого состояния насоса, далеко от спорной границы.

Теперь график перестал требовать от неё выбора удобной поправки.

Она позвонила Ирине.

— Есть подтверждённый повтор. При отключённом насосе.

— Орлова приняла результат?

— Да. Эксплуатация подтвердила состояние за весь интервал. Я свожу ссылки.

— В двенадцать двадцать соединяемся с участком. Пришли до разговора, чтобы читать, а не ловить цифры на слух.

* * *

Ирина появилась в депо за несколько минут до согласования. Поставила сумку у шкафа и, не снимая куртки, посмотрела на экран.

— Покажи, что изменилось.

Дарья подвинулась. Слева стояла широкая полоса первого события, справа — второй подъём. Между ними тянулась линия отключённого состояния агрегата.

— В первом эпизоде порядок ещё не разделён. Здесь это уже несущественно. Повтор начался, когда отключение давно было выполнено и сохранялось.

— То есть версию снимаем?

— Как единственное объяснение — да. Отдельную проверку установки оставляем владельцу. Сняли одно возможное влияние, но опасность возникла без него.

Ирина прочла приложение Орловой, затем расстегнула куртку.

— Так и скажи. Без «доказана непричастность».

Дарья кивнула. Она уже успела попробовать эту фразу в уме и отказаться от неё.

На связи собрались Берестова, Орлова и представитель эксплуатации. У Берестовой на столе лежала карта Тимура с новой разгрузкой. Через открытую дверь в кадре прошёл работник с ящиком; тот самый инструмент, за которым утром не разрешили вернуться, теперь заменяли другим комплектом. Ремонт от этого ещё не мог начаться.

— У нас две задачи, — сказала Берестова. — Продолжить поиск источника и определить, где ещё нельзя работать. Я не могу оставить всё соседнее хозяйство под словами «пока не знаем».

— И я не могу считать границу вашего объекта границей электрического влияния, — ответила Орлова. — Нужны смежные конструкции и сети. Сначала сведения о них, затем расширение обследования по безопасной программе.

Представитель эксплуатации наклонился к камере.

— У стены кабель. За пристройкой свет, ещё шкаф соседей. Можем начать с отключения…

— Не подряд всё выключать, — перебила Орлова. — Состояния и принадлежность сначала. Переключения — только подготовленные, владельцами. Неизвестную связь случайными действиями можно изменить так, что мы потом не поймём, что получили.

Дарья открыла карту. На ней были границы, проезды и подписи сооружений. Ни одной линии, которой можно было бы уверенно соединить нынешние измерения с источником, ещё не существовало.

— Предлагаю собирать режимы за те же интервалы, — сказала она. — Не список всего, что умеет потреблять электричество. Нас интересуют изменения, которые можно сопоставить с записью: включения, отключения, нагрузка, состояние связей. И отдельно — насколько точно у каждого известно время.

— У транспорта пока что? — спросила Ирина.

— Часть прохождений. Для вывода недостаточно. Запрос фактических режимов принят профильным получателем.

— Остальные?

— Насосный владелец передал свой участок. По соседней местной сети нужно уточнить состав. Орлова, вы обозначите, какие параметры нужны?

— Направлю перечень. И границы, за которыми у нас пока нет измерений. Их не закрашивать как безопасные.

Дарья записала. Это было важнее, чем ещё одна цветная линия на общем экране: владельцам предстояло отвечать о конкретных режимах, а лаборатории — выбирать места проверки, не следуя её догадке.

Ирина придвинула распечатку ближе к левому краю стола.

— Берестова, по смежной территории кому передаём подготовку доступа?

Та назвала представителя соседнего владельца.

— Сафин свяжет маршруты. Ограждения пока прежние, расширение — после согласования с лабораторией и хозяевами участков. Ни через калитку, ни вдоль рамы ходить не разрешаем.

— Принято, — сказала Ирина. — Причину не называем по принадлежности земли. У каждого запрашиваем то, что он знает и чем управляет.

К двенадцати пятидесяти запросы были разложены по получателям. Дарья отправила измерительный перечень Орловой вместе с временными интервалами. По одному направлению пришло принятие работы, по другому — уточняющий вопрос о границе коридора. Она ответила по карте, не расширяя запрос на весь Верхнеярск.

Для первой части ТП-03 сохранили раздельно насосные записи, доступные внешние события и таблицу временной привязки. Повторный подъём вошёл в дополнение к ТП-02. Исходные файлы оставались у владельцев; разрешённые экземпляры получили свои места в общем разборе.

Дарья перечитала рабочую записку перед отправкой. В ней больше не было готового объяснения первого спада. Были подтверждённый повтор при отключённом агрегате, предел насосной версии и необходимые следующие действия. Она приложила отказ от первоначальной формулировки — короткую пометку о том, почему та не использована.

Ирина уже разговаривала с Тимуром:

— Да, за пределы камеры. Не измерения — подходы и конструкции для программы Орловой. Что есть в текущих планах, то и передай. Недостающее не дорисовывай.

Дарья нажала отправку.

В двенадцать пятьдесят восемь Берестова подтвердила принятие исправленной записки и подготовку расширенного обследования. Утренний запрет оставался в силе. Орлова направила своей группе новый предмет работы.

На экране второй подъём был отчётливее первого спада. Дарья не увеличила его ради наглядности: оставила оба в одном масштабе. Насос молчал на всём этом участке времени. Теперь нужно было выяснять, что продолжало меняться вокруг него.

Глава 4. Второе ограждение

На плане проход заканчивался у границы насосного участка. На земле он продолжался за угол, мимо жёлтой двери соседней мастерской.

— Наши здесь ходят, — сказал представитель соседнего владельца. — Со двора к раздевалке. В ворота обходить далеко.

Тимур стоял возле фургона лаборатории и держал раскрытую папку так, чтобы ветер не поднимал лист. В час дня солнце уже доставало до стены, но в узком проходе сохранялась тень. Там были мокрые полосы, железный поручень и низкое ограждение площадки, которое на плане выглядело короткой чёрной чертой.

Утреннюю раму отсюда было видно поверх бытовки. Между ней и соседней площадкой лежал пустой двор. Ни общей стены, ни заметного кабеля Тимур не видел.

— Сколько человек пользуется?

— По смене двенадцать. Сейчас четверо внутри, остальные на выезде.

— Выйти иначе могут?

Мужчина посмотрел на него.

— Вы и нам выход закрываете?

— Я уточняю маршрут. Решение ваше и лаборатории. Но этот поручень ещё не проверен.

Орлова подошла со стороны фургона. Она уже слышала последние слова.

— До обследования исключите проход у металла. Где второй выход?

Представитель показал на широкую дверь во двор. Перед ней стояли две пустые тележки, дальше виднелась полоса асфальта к проездным воротам. Орлова попросила уточнить у своих сотрудников границу, с которой можно готовить обследование, и повернулась к мужчине:

— Людей предупредите сейчас. Не после схемы.

Он достал телефон, набрал мастерскую. Говорил без громкой связи, но Тимур слышал обрывки: не через жёлтую дверь, до другого распоряжения, тележки убрать изнутри. Потом мужчина назвал себя, повторил запрет медленнее и дождался, пока собеседник перескажет его.

Из широкой двери показалась женщина в рабочей куртке. Она осталась на пороге.

— А обед нам где получать?

— Через двор принесут, — ответил мужчина. — Здесь не выходите. Я сейчас оформлю.

Женщина кивнула и скрылась внутри.

Тимур убрал прежнюю стрелку из рабочего слоя карты. Принадлежность земли ничего не изменила в том, что поручня мог коснуться человек. Но и обвести весь соседний двор красным по собственному усмотрению он не мог. Он отправил Орловой фотографию, сделанную с разрешённого места, и отметил, откуда был виден проход.

У фургона появился незнакомый мужчина с узким приборным чемоданом и свёрнутым планом под мышкой. На нём была застёгнутая до горла куртка, хотя остальные уже расстегнулись. Он поставил чемодан на сухую подкладку, снял очки и только после этого представился:

— Лев Аркадьевич Горин. Коррозионная защита. Кому здесь план не даёт жить?

— Пока никому не даёт ходить, — сказал соседний представитель.

Горин посмотрел на закрытый проход, потом на Орлову.

— Вашу программу получил. Начну со схем и доступных контрольных записей. На площадку без вас не собираюсь.

Тимур назвал себя и показал два листа. Горин не взял их сразу: сначала застегнул чемодан, который успел открыть.

Подошедший сотрудник эксплуатации принёс распечатку прежнего обследования. На нижней странице стояли таблица и заключение.

— По защите трубы замечаний здесь не было. Можно хотя бы этот край оставить? Там же не сама камера.

Горин надел очки, нашёл обозначение точки.

— Когда мерили?

Сотрудник показал дату.

— И вот в этой точке, — Горин коснулся поля возле таблицы. — Не у вашего поручня.

— Но по металлу результат нормальный.

— По своему предмету. Здесь смотрели состояние защиты трубы от коррозии. Это не проверка того, что получит человек между поручнем и землёй под ногами.

Он развернул распечатку к Тимуру. Тот увидел название электрода сравнения, условия замера и обозначение подземного участка.

— Разные опорные точки, разные условия, — продолжил Горин. — Даже единицы одинаковые не делают эти проверки одной работой. Благополучный лист я у вас не отнимаю. Разрешения трогать ограждение в нём нет.

Сотрудник эксплуатации сложил распечатку, но не убрал.

— Тогда он вам нужен или нет?

— Нужен. И схема, к которой он относится. Только не вместо сегодняшней проверки.

Орлова забрала копию для приложения. Спор закончился без победителя: прежнее обследование оставалось действительным, проход — закрытым.

Тимур отметил на карте ещё одну доступную конструкцию. Ему хотелось спросить Горина, мог ли ток прийти по трубе. Вопрос казался почти готовым ответом, слишком удобным после нескольких часов без источника. Он спросил другое:

— Что вам нужно увидеть на этих планах?

— Материал. Разрывы. Ответвления. Что осталось после переделок. И где вы сами видели металл, а где только линия нарисована.

Тимур провёл карандашом вокруг основания снятого навеса.

— Вот это видел утром с разрешённого подхода. Дальше не заходил.

— Так и подпишите.

Он подписал. Над короткой строкой осталось мокрое пятно от края рукава.

* * *

Подготовка второй точки заняла больше времени, чем Тимур ожидал.

Лаборатории нужно было не просто подойти к ограждению. Менялись границы работы, места оборудования и подходы сотрудников; соседнему владельцу пришлось остановить обычное движение через часть двора. Орлова согласовала порядок со своей группой и местными ответственными. Тимур передавал уточнения, показывал на снимках двери и выступы, но у измерительного места не стоял.

В половине второго ему принесли бутерброд, завёрнутый в бумагу.

— Там горячее осталось, — сказал мастер участка. — Если хочешь, иди.

— Сейчас ответ по соседям придёт.

— Он на телефон придёт.

Тимур посмотрел на бумагу. Хлеб был уже влажным от начинки. Он не помнил, когда ел последний раз.

— Спасибо. Здесь доем.

Мастер не стал спорить. Остался рядом, глядя на пустую площадку.

Тимур машинально поднял голову к раме. Утром Матвей присел возле тележки, чтобы убрать конец стяжки от колеса. Теперь тележка стояла так же, ремень не волочился. В этой исправленной мелочи было что-то невыносимое: она пережила всё остальное.

— Сумку оформили? — спросил Тимур.

— Передачу готовим. Как получатель подтвердит, отправим.

Он кивнул. Больше о Матвее мастер не сказал, и Тимур был благодарен ему за это — и тут же ощутил, насколько старательно избегает любого продолжения.

К четырнадцати часам на рабочем месте лаборатории появилась запись второго канала.

Тимура позвали уточнить привязку. Сотрудник показал фотографию ограждения, сделанную для программы. На ней были стойка, примыкающая секция и край бетонной площадки.

— Это возле жёлтой двери?

— Нет. От двери дальше, за водосточной трубой. Если напишете только «у двери», следующая группа встанет не там.

Он нашёл нужный кадр, показал место. Сотрудник исправил подпись. Орлова сверила её со своей схемой, затем попросила Тимура отойти от столика: им требовалось закончить контроль.

Он отошёл. Это всё ещё давалось неприятно, но теперь у него хотя бы оставалась законченная работа, а не рука, которую некуда деть.

Горин стоял рядом с сотрудником эксплуатации над раскрытым планом. Они не обсуждали показания вслух до ответа Орловой.

Она позвала обоих через несколько минут.

— У ограждения опасное состояние подтверждено. Контрольные проверки выполнены. Доступ сохраняем закрытым.

Представитель соседнего владельца потёр щёку.

— На нашем тоже?

— На обследованной конструкции возле водостока. Вашей.

— Там освещение есть. Может, оно?

— Проверяем отдельной ветвью. Сейчас источник не называем.

Тимур подошёл только после её жеста. На экране были две записи в одном временном масштабе. Одна относилась к раме, другая — к удалённому ограждению. Линии не совпадали: у второй менялись и высота, и форма отдельных участков. Но несколько подъёмов приходились на одни интервалы.

— Эти уже по одним часам? — спросил он.

— Временная привязка проверена, — ответила Орлова. — Для этого сопоставления достаточна. Условия каждой точки сохранены отдельно.

— Насос?

Сотрудник эксплуатации открыл подтверждение состояния.

— Техническая вода отключена. Пуска не было, автоматический исключён. Обход водоотведения работает без изменения.

Горин наклонился к экрану, не касаясь клавиатуры.

— Общий ход есть.

— Значит, соединены, — сказал соседний представитель. — Только чем?

— Пока не значит, — ответила Орлова.

Он посмотрел на неё с усталой досадой.

— На двух заборах одновременно одно и то же. А мы опять ничего не знаем?

— Уже знаем больше. Нельзя оставлять закрытой только камеру. И есть основание искать общее влияние. Но вот эту черту между конструкциями мы ещё не измерили.

Горин подвинул к нему чистый край плана.

— Две точки могут одинаково реагировать на один внешний режим. Прямая металлическая связь — один из вариантов. Подписать её по этим кривым нельзя.

Тимур заметил, что сам уже мысленно соединил ограждения. Пустой двор между ними превратился в удобное место для воображаемой трубы. Он отвёл взгляд от экрана к земле. Под асфальтом могло быть несколько линий, пересечения, тупики. Уверенности это не добавляло.

Орлова сохранила рабочий результат и передала сообщение Берестовой. Состав для двух точек получил обозначение ТП-04: места, измерительные условия, синхронная регистрация и подтверждение состояния насоса. Данные не отделяли от схем, по которым их получили.

Затем она открыла другой лист.

— По местной сети кто ответственный?

Соседний представитель назвал службу, обслуживавшую освещение и шкаф мастерской. Сотрудник эксплуатации — своего электротехнического руководителя.

Орлова распределила запросы: фактическая схема питания, состояние оборудования, последние работы и записи за нужные интервалы. Для проверки альтернативных местных источников отвели отдельную программу ТП-14. Горин добавил сведения о ближайших устройствах электрохимической защиты, которые следовало запросить у их владельца.

— Вы будете их выключать? — спросил представитель мастерской.

— Если потребуется подготовленное переключение — решит владелец по согласованной программе. Не сейчас и не по этому разговору.

Тимур записал, кому передать уточнённый маршрут для электротехнической группы. Нового разрешения пройти вдоль стены в нём не было.

* * *

После двух двадцати Тимур перенёс планы в бытовое помещение. На улице листы приходилось всё время прижимать, а в фургоне уже не осталось свободной поверхности.

Стол был узким. Он убрал на подоконник чужую пустую кружку, потом вернул её на салфетку: на столе остался светлый круг среди тёмных следов воды. Горин расстелил свою рабочую копию, сотрудник эксплуатации положил рядом более новый план участка.

На одном ограждение было нарисовано прямым, на другом — с поворотом. Тимур развернул фотографию.

— Поворот сейчас здесь. Прямой линии уже нет.

— Год съёмки? — спросил Горин.

На копии стояла дата, но ниже было примечание о частичном обновлении. Меняли только участок проезда.

— Значит, дату со всего листа на каждую трубу не переносим, — сказал Горин.

Тимур сравнил основания зданий, нашёл водосток и провёл пальцем вдоль тонкой линии на старом плане. Она отходила от напорной линии в сторону соседней площадки, но до ограждения не доходила. Возле неё сохранилось сокращение с указанием стали.

На новом плане на том же месте стояла другая подпись. Короткий отрезок заканчивался раньше.

— Это что? — спросил он у сотрудника эксплуатации.

Тот наклонился.

— По этому листу вспомогательная линия. Давно не в работе.

— Не в работе или снята?

— Не скажу. Могу найти, кто обновлял план.

Тимур положил поверх листов прозрачный файл и перенёс только два видимых конца. Соединить их мешали не миллиметры бумаги: отсутствовала история того, что происходило под землёй.

Горин задержал его карандаш над файлом.

— Вы сейчас что обводите?

— Место поиска. Здесь на раннем листе металл. На позднем другой конец и другая подпись.

— Хорошо. Только не называйте пока сохранившимся ответвлением.

Тимур написал: «Наличие и материал уточнить». Ниже поставил номера листов и их даты.

— Снаружи что-нибудь совпадает? — спросил Горин.

— По разрешённым снимкам — площадка и этот угол мастерской. Саму линию не видел.

— Этого хватит для предметного запроса. Исполнительные материалы, изменения, если есть фотографии до закрытия. Не весь архив района.

Сотрудник эксплуатации забрал номера. Исходные планы оставались у владельцев; Тимур сохранил свою рабочую сверку с пометками, откуда взята каждая линия. Сегодня они нашли место, о котором стоило спросить. Раскапывать его по двум несовпадающим чертежам никто не собирался.

За дверью заговорила рация. Берестова вошла с телефоном, дождалась окончания передачи.

— Ограничение по второй точке приняли. Соседи своё распоряжение дали. Нужно свести, где ставят временные барьеры. У них в сообщении написано «вдоль внешнего ограждения».

— Какого? — спросил Тимур.

— Вот и выясните. У нас внешнее — со стороны улицы. У них, кажется, вдоль двора.

Он вышел с представителем мастерской к разрешённому месту обзора. Дежурный участка показал на карте длинную линию со стороны дороги.

— Мне передали от ворот до угла.

— А мне от жёлтой двери до торца, — сказал представитель.

Тимур посмотрел на оба отрезка. Они сходились только в словах.

— Давайте без «внешнего». Видите водосток и заложенное окно? Вот этот проход закрыт целиком. И площадка за ним. Барьеры отдельно стоящие, к существующему металлу не крепить — по границе лаборатории.

Он попросил Орлову проверить, правильно ли перенёс её границу. Она подошла, исправила один участок возле поворота: оставленный на бумаге зазор мог выглядеть разрешённым проходом. После этого владельцы согласовали размещение своих временных ограждений, а назначенные сотрудники начали выставлять их со стороны разрешённых подходов.

Тимур сделал снимок из точки, куда могла прибыть следующая смена. Обозначил ворота, жёлтую дверь, водосток и заложенное окно. Убрал слова «левее» и «за нами»: без него они ничего не объясняли.

Дежурный прочёл новую инструкцию вслух.

— От проездных ворот через двор. К раздевалке — широкая дверь. Проход вдоль жёлтой двери закрыт до отдельного разрешения. Существующего ограждения не касаться.

— Где машина ждёт?

Тот показал на отмеченное место, затем на площадку перед собой. Совпало.

Тимур хотел ещё раз проверить весь путь, но из широкой двери уже вышел мастер соседней смены. Он прочёл сообщение на телефоне, задал вопрос дежурному и повёл двух работников по согласованному двору. Тимур остался на месте. Сейчас его участие только задержало бы людей.

Изменённая граница закрывала и узкую дорожку за мастерской. Ею пользовались не только работники: через проход выходили к улице от двух соседних дворов.

— Они всё равно сюда придут, — сказал представитель. — С той стороны объявление кто повесит?

— Ваш дежурный может предупредить до входа в закрытый участок?

— На ближайшее время да. Но постоянно человека туда не поставлю.

Тимур позвонил ответственному городской службы по организации прохода. Объяснил новое ограничение, отправил карту. В ответ предложили направлять людей вокруг квартала, через верхнюю улицу.

Он посмотрел на схему.

— Там лестница у подпорной стенки. Для тележки и кресла этот путь не подходит.

— Другого подтверждённого пока нет.

— Тогда так и записывайте: доступный обход не обеспечен. Нужен осмотр другого варианта и ответ. Не стрелка на лестницу.

Собеседник помолчал, уточнил, с какой стороны люди подходят чаще. Тимур назвал оба двора, но не стал угадывать число пользователей. Служба приняла организацию временного информирования и проверку обхода, назначила следующий ответ. До него соседний владелец подтвердил предупреждение на своём подходе.

В телефоне ниже рабочего разговора оставалось сообщение Веры. Можно было переслать ей карту: она бы быстро нашла, кто живёт в этих дворах. Тимур закрыл список. Он уже передал задачу службе, у которой были для неё обязанности. Верин урок и её вечер не были недостающим постом.

Без нескольких минут три он вернулся за планами. Берестова собирала материалы к совместному согласованию. Из-за стены всё так же доносился гул работающего обхода; ремонт арматуры не приблизился ни на один поворот ключа.

— Обе точки отмечены? — спросила она.

— Да. Маршрут приняли. По обычному проходу есть отдельная задача, ответа ещё нет.

— Забирайте схему. Она нам сейчас нужна.

Тимур снял прозрачный файл со старого плана. На нём остались два коротких отрезка, заканчивавшихся в разных местах. Между ними он не провёл линии.

Через окно было видно новое временное ограждение. Люди обходили его со стороны двора, не останавливаясь возле поручня. Это уже работало. А под землёй между двумя опасными точками пока оставалось то, чего ни один из лежавших на столе планов не позволял назвать наверняка.

Глава 5. Вместимость

Берестова провела на распечатке горизонтальную черту. Выше неё оставалась почти треть резервуара.

— Это не наше свободное место.

Ирина придвинула лист. В три часа рабочее помещение участка было занято людьми и мокрыми куртками; дверь оставили открытой, чтобы слышать вызовы дежурного. Оттуда доносился гул обходной установки. На столе рядом с графиком уровня лежала схема Тимура с двумя опасными точками. Между ними не было соединительной линии.

— Почему не наше?

— Выше контрольного уровня теряем нужный перепад на входе. Дальше начнётся подпор сети. До крыши ёмкости ещё будет далеко.

Берестова закрыла ладонью верхнюю часть рисунка, будто кто-нибудь мог всё-таки включить её в расчёт.

— Полный объём не считайте. Здесь доступная регулирующая вместимость. С учётом того, что уже занято.

Она говорила быстро, но не торопила Ирину с ответом. Алёне пришлось освободить собственный стол под согласование; кружка, телефон и связка ключей теперь стояли на низком шкафу за спиной. На рукаве рабочей куртки белела засохшая полоса.

Ирина посмотрела на последнюю отметку.

— Уровень откуда?

— Штатная регистрация. Контрольный отсчёт участка рядом. Расхождение в пределах принятого. Вот подпись смены.

— А расход?

Берестова повернула следующий лист. Приток шёл неровной полосой, работа обхода — более пологой. Между ними оставался зазор.

— Основную часть уводим. Остальное накапливается. За последние часы — около пятидесяти кубов в час. Не весь день будет одинаково, утренний и вечерний подъёмы заложены отдельно.

— Возможности обхода подтверждены работой или паспортом?

— Работой в этой схеме. Больше он устойчиво не принимает. Мы ещё до вывода линии проверяли. Добавить обороты и считать, что появится свободный проход, нельзя.

Сидевший у двери мастер кивнул. Ирина нашла в приложении проверенный режим и только после этого вернулась к графику. Насос технической воды, отключённый утром, значился на другой схеме. Обход водоотведения продолжал работать независимо от него. Это различие уже потеряли в одном кратком сообщении; здесь Берестова выделила его рамкой.

На восьмичасовой отметке оставалось около двух тысяч шестисот кубометров доступной вместимости. К трём часам запас уменьшился примерно на триста пятьдесят. Ирина провела карандашом вдоль наклона.

— Если так пойдёт дальше, до контрольного уровня около сорока пяти часов.

— Если так. Но мы не назначаем окончание ремонта вплотную к уровню. Здесь вечерний приток, здесь неопределённость по боковым ветвям. И время на возврат линии после ремонта. Последний принятый рубеж — среда, восемь утра. К нему линия должна уже отводить стоки.

— Не начать заполнять.

— Работать. После проверок и разрешения.

Ирина обвела время. До сих пор она слышала «двое суток» как срок ремонта: короткое, привычное выражение, которое легко передать по телефону. Теперь у него появились начало и физическая граница.

— От какого момента сорок восемь?

— От сегодняшних восьми. Накануне вывели линию, ночное накопление уже вошло в утренний остаток. Оно не исчезло из расчёта.

— Значит, у нас не двое суток от этого разговора.

— Уже нет.

Берестова повернула к ней рабочую сводку. Рядом со средой стояла оговорка о пересмотре по фактическому наполнению.

— Во сколько пересчитываете?

— Планово в восемнадцать. Потом каждая смена по установленному интервалу. При выходе темпа накопления за расчётный коридор — сразу, не ждём следующей сводки.

Ирина проверила, кому приходит такое сообщение. В цепочке были дежурный участка и эксплуатационный руководитель водоотведения. Её фамилии там не требовалось. Хорошо: если она не услышит звонок, уровень всё равно должны заметить.

Мастер у двери переложил планшет на другое колено.

— Арматура готова к работе. Комплект здесь, оснастка здесь. Люди до утра могли бы закончить. Только доступа нет.

— Люди есть на какую смену? — спросила Ирина.

— На нынешнюю. Ночную назначим по программе, если будет рабочее место.

— Тогда пока не ставим всю ночь как обеспеченную.

Он поморщился, но убрал из черновика непрерывную полосу работ.

— Я не про то, чтобы этих оставить. Про то, что ремонт небольшой.

Берестова взяла со шкафа кружку, посмотрела внутрь и поставила обратно.

— Он был небольшим сегодня утром.

По связи заговорил представитель эксплуатационного руководства. В динамике потрескивало.

— Если к среде не вернём, какие последствия по низу?

Берестова раскрыла план прилегающей сети. Отметила несколько вводов, затем нижнюю улицу за мастерскими.

— При исчерпании регулирования пойдёт подпор. Первыми под угрозой нижние помещения по этим вводам. Не в восемь ноль одну. По мере роста уровня и в зависимости от притока. Но ждать появления воды в подвале, чтобы начать санитарные меры, поздно.

— Значит, надо дать лаборатории срок открытия площадки. До ночи хотя бы.

Ирина уже хотела спросить Орлову, что можно обещать к ночи. Алёна не дала ей начать.

— Нет. Я показываю, что будет с сетью, а не ставлю ремонтникам выбор. Матвея сегодня увезли. Следующего человека я туда по графику наполнения не отправлю.

В комнате стало тихо. Гул из коридора не изменился.

— Мне тоже нужна работающая линия, — продолжила Берестова. — Поэтому сейчас разбираем, что делаем, если доступа не будет. Параллельно. Не после второго несчастного случая.

Ирина опустила карандаш на план.

— Давайте санитарный вариант.

***

Первой свободной машины не оказалось. Она была на другом задании, и её возвращение к четырём существовало только в предварительном графике.

— Подтверждения окончания нет, — сказал диспетчер вывоза. — Не поставлю её вам на загрузку.

Берестова, включившая громкую связь, посмотрела на часы. Без двадцати четыре. По первоначальному списку уже сейчас можно было вообразить колонну машин, вывозящую весь избыток. На деле в строках стояли разные дни, объёмы цистерн и места разгрузки.

Ирина попросила открыть полный цикл одного рейса.

Диспетчер назвал подачу, заполнение, дорогу, ожидание приёма и возврат. Поездка до ближайшего пункта занимала меньше времени, чем предполагалось, но там не могли принять весь дополнительный объём в нужные часы. Другой пункт находился дальше.

— Если возьмёте две машины, они друг друга у вас не запрут? — спросил он.

Тимур развернул маршрутную схему.

— На прежней площадке — да. И она теперь закрыта. Предложенная загрузка с другой стороны, вне нынешней границы. Подъезд проверен. Само место водоотведение ещё должно принять для этой работы.

— Принимаем после местной проверки оснащения, — сказала Берестова. — Заявку на подготовку уже дали. К раме никто не поедет.

Тимур указал место ожидания второй машины. Потом ещё раз открыл фотографию поворота, хотя Ирина видела, как он сверял её перед началом разговора. Палец задержался на экране.

— Что-то изменилось? — спросила она.

— Нет. Проверяю привязку.

— Оставь открытой для диспетчера.

Он передвинул телефон ближе к микрофону, как будто собеседник мог увидеть его через динамик, спохватился и отправил снимок. Ирина ничего не сказала. Утреннюю схему он держал под новой; сквозь прозрачный файл просвечивала перечёркнутая стрелка.

К четырём часам нашлись две машины на вечерний интервал. Приёмный пункт подтвердил шесть рейсов в согласованном объёме — сто двадцать кубометров. Не непрерывный вывоз на двое суток: вечерняя работа с определённым окончанием. Продолжение требовало другого подтверждения.

Берестова вписала объём в отдельную графу.

— При нынешнем накоплении это чуть больше двух часов. Если весь вывоз состоится.

— В среду прибавляем? — спросил мастер.

— Пока никуда не прибавляем, — ответила она. — В баланс попадёт фактически вывезенное. Сначала получим запас, потом обсудим его использование.

Следом подключился технолог производственной площадки. Там могли отложить промывку двух линий, но не прекратить все сбросы.

— Санитарные и текущие технологические остаются. И эту промывку всё равно придётся сделать позже.

— Одновременный отложенный сброс нам не нужен, — сказала Ирина. — Возврат по какому порядку?

— По согласованию с водоотведением. Не ночью автоматически.

Берестова попросила оформить ограниченный интервал, ожидаемое уменьшение и способ контроля. Технолог отошёл от камеры, вернулся с производственным руководителем. Тот подтвердил перенос операций на шесть часов и необходимость отдельного решения о возобновлении. Ирина записала номер, который они назвали. Снижение пока было ожидаемым; точный выигрыш должен был показать расход.

Из коридора принесли поднос с хлебом и тарелками. Берестова начала отодвигать его обратно, но Ирина освободила угол.

— Здесь ставьте.

На хлебе лежали толстые ломти сыра. Ирина взяла один, не дожидаясь перерыва. Она успела проголодаться раньше, чем это заметила. Алёна тоже взяла хлеб, но держала его в руке, пока Елена уточняла основание оплаты вывоза.

— Первые шесть рейсов — по действующему аварийному договору и подтверждённому заданию, — сказала Берестова. — Сверх этого решение руководства. Я уже направила потребность.

— Предполагаемое возмещение расходов источником оплаты не ставим.

— У нас источник ещё даже не установлен.

— Тем более.

Елена открыла свой пронумерованный журнал. На столе перед ней лежала новая опись — ТП-05. Она внесла записи уровня, расхода, состояние обхода и расчёт доступной вместимости. Рядом — принятые ограничения и ближайшие сроки пересмотра.

— Рабочий баланс останется у водоотведения. Разрешённый экземпляр для разбора — отдельно, с временем, на которое он составлен, — сказала она. — Следующая версия эту не заменяет.

— Сейчас вам все сменные журналы выгрузить? — спросил дежурный из дверей.

— Только относящиеся к балансу и этому периоду. Состав отправки я передам на вторую проверку.

Дежурный ушёл к своему столу. Елена не задержала его вопросами о том, кто допустил утреннюю работу. Для этого предстоял другой разбор, с другими документами. Сейчас требовалось, чтобы к вечеру приехали машины, а получатель стоков не узнал об их существовании у своих ворот.

Ирина доела хлеб над пустой тарелкой.

— Что остаётся, если вывоз не придёт или уровень пойдёт быстрее?

Берестова показала перечень нижних вводов. Эксплуатация должна была проверить местные возможности защиты, санитарная служба — подготовить действия при угрозе подтопления, городская — прямое предупреждение пользователей. Ни одного посещения подвалов ещё не отметили выполненным.

— Подготовку начинаем сейчас, — сказала Алёна. — Не пишем людям, что их завтра обязательно зальёт. Пишем, что проверяем защиту и как с нами связаться. При изменении риска предупреждение выдаём отдельно.

Представитель городской службы принял свой участок работы. Вера в перечне исполнителей не появилась. Ирина отметила это без комментария: у дочери уже был школьный день и собственные договорённости, а служебный ответ не должен был зависеть от того, когда она освободится.

К двадцати минутам пятого у санитарного варианта были первые подтверждённые ресурсы и незакрытые задачи. Строка «среда, 08:00» осталась на прежнем месте.

***

Орлова вошла, когда Ирина пыталась уместить общую программу на один лист. Сняла куртку, положила рядом с собой планшет и сразу посмотрела на схему закрытой территории.

— Граница та же?

— Та, которую согласовали перед тремя, — ответил Тимур. — Новых проходов нет.

— Хорошо.

Руководитель по связи попросил дать заключительный ответ: кто после всех проверок подтвердит безопасность участка целиком?

Ирина посмотрела на Орлову. Ей самой хотелось услышать одну фамилию и одно условие. Берестова имела уровень, за которым начнутся последствия; электролаборатория должна была назвать границу с другой стороны. Тогда можно было бы связать два края и получить рабочий план.

— Аделина Михайловна, вы сможете свести общее заключение?

Орлова не ответила сразу.

— Какое именно?

— Что после ваших проверок можно начинать ремонт.

— Для определённого рабочего места, при установленном состоянии связанных систем — да. Обещать сейчас безопасность всего участка после ещё не определённых действий я не могу.

Ирина постучала карандашом по нижнему полю.

— Нам нужен переход от обследования к работе.

— Тогда запишите условия перехода. Не моё обещание. Мои измерения не подтверждают, что чужая служба выполнила переключение. Их сообщение об отключении не заменяет мою проверку. А ни то ни другое не разрешает водоотведению открыть линию после ремонта.

— Получается, каждый отвечает только за своё, — сказал мастер.

— И сообщает остальным, что изменилось, — ответила Орлова. — Иначе у нас будет общий лист, под которым каждый понимает разное.

Ирина перестала стучать карандашом. Короткий ответ, которого она добивалась, оказался слишком похож на зелёную отметку возле объекта: удобно смотреть издалека, неудобно разбирать, что за ней проверено.

Она провела через нижнее поле несколько вертикальных линий.

— Тогда по ступеням. Кто готовит, кто проверяет, кто разрешает. И что останавливает следующий шаг.

Орлова села ближе.

Электротехническая ветвь оставалась за лабораторией: регистрация двух точек, проверка измерительных условий, программа альтернативных местных источников. При изменении обстановки или потере достоверного контроля работа по затронутой части останавливалась до оценки. Переключения выполняли владельцы — по согласованным заданиям, с передачей фактического результата.

Тимур вписал пространственную часть. Доступные подходы, видимые конструкции, сверка обозначений и материалов. Старую линию на планах он оставил предметом поиска, без утверждения, что она существует под землёй. Горин уточнил, какие сведения нужны для проверки возможных металлических связей.

Дарья подключилась из депо. На экране за её плечом стояли приборные ящики.

— Для сопоставления нужны записи режимов за те же интервалы, что у лаборатории. Не только события включения. Фактическая нагрузка, состояние связей и точность времени. По транспортному коридору запрос уже принят, состав сейчас уточнили.

— Когда будет первый результат? — спросила Ирина.

— После получения и сверки. Ближайший доклад в семнадцать. Если набора недостаточно, назову, чего именно не хватает. Не буду считать отсутствие записи отсутствием нагрузки.

Берестова подтвердила контроль водного баланса. Санитарная подготовка получила собственную строку, не привязанную к успеху электротехнической версии. Если расчётный срок сдвигался раньше, сообщение должны были получить все участники программы сразу.

В коридоре включили принтер, и почти одновременно из динамика заговорил руководитель лабораторной службы. Ирина различила слова «после передачи», но конец фразы утонул в треске механизма. Правое ухо отозвалось тонким свистом.

Она наклонилась к экрану, потом выпрямилась.

— Последнее не услышала. Повторите, пожалуйста.

Тот повторил быстрее. Ирина подняла руку.

— Медленнее. У меня справа аппарат, сейчас шум мешает. И условие внесите в текст.

На экране появилась строка: смена лаборатории должна принять измерительную схему, текущую расстановку и ограничения до ухода сдающей группы. При нарушении передачи нельзя было продолжать по устному заверению прежнего руководителя.

— Теперь вижу, — сказала Ирина. — Так и оставляем.

Тимур сверил свой график. Принимающий полевой пост уже был назначен; новому участку требовалось дополнение к объёму передачи, а не молчаливое продление его суток. Орлова назвала состав следующей группы. Берестова отправила руководству потребность по ночной ремонтной смене, не записывая её обеспеченной до подтверждения.

В программе появились места, где работа могла остановиться. Лист от этого стал длиннее, зато его уже можно было передать человеку, не сидевшему сейчас за столом.

Ирина прочла связующую часть вслух. Изменения режима сообщаются до действия, результат — после выполнения; расхождение не ждёт общего совещания. У каждого следующего шага есть свой принимающий. «Резерв» сводит сведения и вопросы, но разрешений на чужие переключения не выдаёт.

— Возражения? — спросила она.

Берестова указала на одну строку.

— Здесь не «ремонт до восьми». Возврат линии до восьми. Ремонт должен закончиться раньше, с временем на проверки.

Ирина исправила. Орлова добавила условие по рабочим местам. После этих поправок владельцы приняли программу в своих частях. Запросы Дарьи ушли согласованным получателям; один ответ пришёл ещё до того, как Елена закончила опись.

В семнадцать часов Берестова получила свежую запись уровня. Она сравнила её с ожидаемой, сделала пометку и передала дежурному.

— Пока внутри коридора. Следующий расчёт в восемнадцать.

До среды, восьми утра, оставалось тридцать девять часов.

Ирина собрала бумаги, оставив действующую программу на столе участка. За окном стояли временные барьеры; никто не двинул их ради начавшегося обратного отсчёта. Из коридора позвали Берестову — приёмный пункт уточнял время первой машины.

Та поднялась с недоеденным хлебом в руке и пошла отвечать. На экране медленно добавлялась новая точка уровня.

Глава 6. После вагона

В пассажирском расписании между двумя рейсами было пусто. На записи тяговой подстанции пустоты не было.

Дарья передвинула окно, чтобы видеть обе строки. Рядом шла лабораторная кривая: подъём у наружной рамы, почти одновременно — у ограждения возле водостока. Насос технической воды в это время оставался отключённым.

— Вот здесь у вас кто? — спросила она.

Никита Ремезов нагнулся к экрану, но за мышь не взялся.

— В каком источнике пусто?

— В пассажирском.

— Тогда откройте исполненные перемещения. Второе приложение.

Он пришёл в депо несколько минут назад, представился инженером тяговой возвратной сети и положил на стол сложенную схему. У него были обветренное лицо, седые волосы над ушами и молодой, чуть срывающийся на верхних нотах голос. Дарья сначала приняла его за сотрудника, которому поручили доставить материалы. Потом он попросил не пользоваться сводной мощностью всей подстанции и показал, где лежат записи нужного питающего участка.

Во втором приложении нашлось служебное перемещение. Вагон прошёл коридор без пассажиров; запись диспетчера была связана с фактическими отметками движения.

— Почему его в первом файле нет?

— Первый — расписание. Этот вагон по нему никого не возит.

Дарья перенесла событие в рабочую таблицу. Не точно под вершину кривой, а рядом, с полосой допустимого расхождения времени. Утренние поправки к часам регистратора остались прежними. Для тяговой записи владелец прислал собственную сверку; доставка файла в семнадцать ноль две не имела отношения к моментам внутри него.

Служебный вагон подтверждал то, что уже повторялось на нескольких интервалах. Когда фактическая тяговая нагрузка возрастала, менялись и разности потенциалов на закрытых конструкциях. При её снижении записи успокаивались. Пики не были одинаковыми, и Дарья не пыталась сделать их одинаковыми растяжением шкал.

Она открыла ещё один отрезок.

— А здесь пассажирский прошёл, подъёма почти нет.

Ремезов посмотрел на движение, затем на ток.

— Он шёл на выбеге. Мог ещё стоять у сигнала. Наличие вагона и нагрузка — разные вещи.

— То есть момент возле камеры мне сам по себе мало что даёт.

— Да. Ток не начинает действовать, когда водитель вас увидел.

Дарья коротко кивнула. В прежнем черновике у неё стояла строка «прохождение у участка». Она заменила её на два отдельных события: положение вагона и электрический режим. На карте движения расстояние выглядело убедительнее, чем заслуживало.

За дверью кто-то прокатил по плитке пустой инструментальный ящик. Ремезов проводил звук взглядом и вернулся к таблице.

— Это уже можно передавать электроснабжению, — сказал он.

— Сейчас Орлова посмотрит.

Дарья вызвала лабораторию. Аделина ответила из фургона; за её спиной была видна приоткрытая дверь и светлая полоса двора. Дарья показала не итоговую картинку, а выбранные интервалы с источниками и границами времени.

— Совпадение сохраняется при допустимых поправках. Служебное перемещение тоже ложится на фактическую нагрузку. Но не каждый проход даёт один и тот же результат.

Орлова попросила увеличить один участок. Долго смотрела, не отвечая.

Дарье хотелось добавить ещё два интервала, чтобы вывод не выглядел поспешным. Она уже потянулась к списку, когда Орлова заговорила:

— Для защитного решения этого достаточно. Характер нашей регистрации согласуется с тяговым влиянием. Никита Савельевич?

— По нашим режимам согласуется. Возвратную цепь надо проверять. Но пути до вашей рамы я сейчас не назову.

— И я не назову, — сказала Орлова. — Передавайте требование ограничить эксплуатацию затронутого участка. Полный причинный разбор будем продолжать уже при ограничениях.

Было семнадцать четырнадцать.

Дарья вывела короткую формулировку на общий экран: существенная зависимость опасного состояния от тягового режима подтверждена сопоставлением записей и профильной оценкой. Подземный путь не установлен.

— Слово «подтверждена» оставляете? — спросила она.

— Для влияния — да, — ответила Орлова. — Не для всей причины травмы.

Ремезов прочёл, указал нужного получателя в своей службе. Дарья отправила сопоставление. Ответ о принятии пришёл почти сразу; следом диспетчер запросил границы двух закрытых точек.

Ирина подключилась с участка и направила ему действующую карту Тимура.

— По этой схеме закрыта территория, — сказала она. — Электрическую границу определяете вы. Не копируйте её с ограждения.

Дарья остановила подготовку следующего графика. Нужный для ограничения вывод уже ушёл. Добавлять к нему всё, что она ещё могла посчитать, сейчас означало только задерживать тех, кто должен был действовать.

* * *

Транспортный диспетчер появился в соединении без камеры. В его канале слышались голоса, короткий звонок и стук клавиш.

— Новые входы на участок прекращаем. Два пассажирских вагона заканчивают выход по распоряжению движения. Служебный остаётся на отстое.

— Где именно остаётся? — спросил Ремезов.

Диспетчер назвал место. Ремезов нашёл его на схеме и уточнил у дежурного энергодиспетчера, относится ли оно к предполагаемому выводу. Дарья увидела, что тот раскрыл другую карту. Пассажирские конечные на ней отсутствовали; зато были соединения, которых не было в транспортной схеме.

— Отстой вне выводимого плеча, — подтвердил энергодиспетчер. — Дальнейшего перемещения не разрешать до отдельного согласования. Сейчас оформляем местный вывод.

Из канала движения спросили, можно ли сначала пропустить служебный вагон в депо. За ним уже ждали работники путевой службы, которым нужно было забрать оснащение.

— Нет, — ответил диспетчер. — Он остаётся там. По людям и доставке решайте отдельно.

Голос, задавший вопрос, замолчал не сразу.

— Тогда бригада у нас на другом конце, инструмент здесь. Сколько ждать?

— Подтверждённого срока открытия пока нет. Дайте состав задачи дежурному руководителю. Обходной доставки ещё не назначено.

Дарья записала номер задержанного перемещения. До этого служебный вагон был для неё полезной строкой, которая закрыла пробел в сопоставлении. Теперь у него появились люди, не попавшие к своей работе. Их ожидание ничего не меняло в выводе Орловой, но и не исчезало из-за его правильности.

Ирина попросила транспортников направить сведения пассажирам и отдельно — службам, чьи работы зависели от перемещения. Затем уточнила у Берестовой, сохраняется ли действующая граница участка до окончания вывода.

— Сохраняется, — ответила та. — С нашей стороны никто не входит.

Дарья отодвинула телефон от клавиатуры. Его экран гас и снова загорался с каждым подтверждением. Она ловила себя на желании получить одно сообщение: всё остановлено. Вместо него приходили разные.

Последний пассажирский вагон вышел. Диспетчер движения подтвердил отсутствие вагонов в обозначенном местном плече. Энергодиспетчер сообщил о начале своих действий. Позже поступила запись выполнения принятого вывода — со временем события и перечнем оставшихся связей.

Дарья не меняла положение отметок по мере доставки. У каждого сообщения было своё место.

Ремезов достал из кармана очки, протёр дужку большим пальцем.

— По возвратному соединению здесь есть старое зарегистрированное замечание. Его надо включить в запрос.

Дарья повернулась к нему.

— Какого рода?

— Неблагополучие контакта. По результатам профильной проверки требовалось внеочередное обследование. Запись готовил я.

Он назвал дату и регистрационный номер. Дарья внесла их, затем подняла глаза.

— Исходные данные у вас?

— В ведомственном комплекте. На моём телефоне рабочая выписка, но передавать надо от владельца вместе с приложениями. Я сейчас укажу, где искать.

— Эта запись касалась участка водоотведения?

— Нет. До их рамы я тогда не доходил. Чужие подземные связи в тот объём не входили.

— Соединение после замечания ремонтировали?

Ремезов посмотрел на сложенную схему.

— Внеочередное обследование перенесли в плановое окно. Распоряжение есть у службы. По памяти его содержание пересказывать не буду, номер записи дам вместе с запросом.

Дарья открыла карточку предметного обращения. Существование замечания нужно было сообщить сейчас; вывод о том, что оно доказывало, должен был ждать самого документа.

— Трамваи всё это время ходили? — спросила она.

— Ходили.

— И защита не отключала?

— По одному этому признаку возврат исправным не становится. Если ток идёт другим путём, вагон может работать.

Он произнёс это без нажима, словно поправлял неверно выбранную единицу измерения. Дарья написала себе на полях: «Работа движения не подтверждает состояние возврата». Пока это был вопрос к исследованию, не найденный путь через чужую трубу.

Елена ответила на пересланные реквизиты: запрос исходного комплекта принят в подготовку, поступление будут учитывать отдельно, как ТП-08. Никакого готового заключения к номеру не прилагалось.

В семнадцать сорок шесть Орлова сообщила об изменении регистрации.

— Общий уровень снизился, динамика стала другой. Расстановку не меняли.

Дарья раскрыла текущий фрагмент. Кривая действительно опустилась. Её можно было бы обвести, поставить рядом время вывода и закончить сегодняшний разбор хорошей новостью.

Она оставила масштаб прежним.

— Для открытия доступа этого достаточно? — спросили из рабочего помещения участка.

— Нет, — ответила Орлова. — Регистрация продолжается. Подготовленного ремонтного места у нас пока нет.

Ремезов развернул свою схему полностью. Лист занял почти весь свободный край стола; Дарье пришлось поставить чашку на подоконник.

* * *

В восемнадцать двенадцать на записи у рамы появился новый изгиб.

Не такой, как прежде: ниже, короче. У второго канала изменение тоже сохранилось. Дарья приблизила участок времени, затем вернула прежний вид. Увеличение делало остаток внушительнее, но не добавляло ему смысла.

Она проверила заголовок файла. Текущая регистрация, не запоздавшая выгрузка утреннего фрагмента. Приборы и точки те же.

— Орлова, у меня изменение после местного вывода. Видите?

— Видим. Контроль качества записи без замечаний. Группу к конструкциям не направляем.

— Время события подтверждено?

— В пределах нашей сверки. Пришлю связанный фрагмент.

Дарья вызвала движение.

— Нужна проверка фактического состояния за этот интервал. Не только запрет входа.

Диспетчер сверил исполненные задания и местный доклад: вагонов на выведенном плече не было, служебный оставался на согласованном отстое. Энергодиспетчер подтвердил, что выполненное состояние сохранялось. Новых действий ради проверки никто не назначал.

Дарья положила ладонь на стол, чтобы не начать снова двигать графики. В простом варианте, который она уже успела построить у себя в голове, местные вагоны создавали влияние, местный вывод убирал его. Запись больше в этот вариант не помещалась.

Вошло сообщение Берестовой по расчёту на восемнадцать часов: рубеж возврата линии пока оставался прежним. Дарья открыла его, прочла и закрыла. Водоотведение не получило дополнительных часов от того, что электрическая схема стала сложнее.

— Мы вывели не всё, что может влиять, — сказала она.

Ремезов провёл пальцем по линии на своей схеме.

— Здесь возврат местного плеча. Здесь соседнего. Дальше общий узел.

— Соединение сейчас такое?

— По действующей схеме — да. Фактическое состояние надо подтвердить у дежурного. Я запросил.

— Тогда отсутствие вагонов рядом с камерой не описывает электрический режим.

Он снял очки.

— Не описывает. Я ожидал, что местный вывод уберёт основную часть. Но остаток по одной этой схеме объяснять рано.

Дарья посмотрела на общий узел. На карте пассажирских маршрутов соседнее плечо уходило в сторону, словно принадлежало другому куску города. Здесь две линии сходились без всякого уважения к названиям улиц.

Она внесла соседнюю связь в перечень проверяемых влияний. Не стала подписывать её источником нового изгиба.

— Нужны отдельные нагрузки соседнего плеча за этот интервал, — сказала она. — И состояние связей, не только рисунок.

— Принято. Ещё фактические положения вагонов.

— Да. Но сейчас не будем ждать этого, чтобы предупредить остальных.

Орлова слушала их через открытое соединение.

— Предупреждение формулируйте так: местный вывод изменил состояние, полного устранения влияния не подтвердил. Ограждения сохраняются. Для обследования нужна более широкая согласованная граница.

Ирина попросила энергодиспетчера назвать, кто примет подготовку такого вывода и какие службы должны подтвердить условия. Тот ответил не сразу. Из его канала донёсся разговор о соседнем питании, затем он назвал ответственного и срок ближайшей сверки.

— На этот срок доступ не назначаем, — добавила Ирина. — Ждём результат подготовки.

Дарья сохранила остаточное событие в новом разделе — ТП-12. Рядом остались подтверждения отсутствия местного движения и сохранённого состояния после вывода. Они не доказывали, откуда пришло изменение, зато уже не позволяли объяснить его забытым вагоном возле камеры.

К восемнадцати пятидесяти у неё получилась короткая запись для следующего разбора. Тяговое влияние было установлено достаточно, чтобы ограничить эксплуатацию, и ограничение уже действовало. Полный путь до доступного металла оставался неизвестным. Местная географическая граница не обеспечивала полноты электрического вывода.

Вместо ещё одной страницы выводов Дарья приложила вопросы к соседнему плечу и перечень подтверждений, которых недоставало. Ремезов прочёл, исправил обозначение общего узла и подписал свою часть. Орлова приняла описание регистрации.

За окном депо свет всё ещё держался на верхних стёклах. Обычно в это время с улицы доносился скрежет колёс на повороте. Сейчас Дарья слышала, как в соседнем помещении закрывают шкафы.

Она отправила запись и убрала пассажирское расписание с рабочего экрана. Оно оставалось нужным для тех, кто объяснял людям изменившиеся поездки. Для следующего решения ей требовалась лежавшая на столе схема возврата — с уходящей за край листа связью.

На местном плече вагонов больше не было. Регистратор продолжал писать.

Глава 7. Обход для живых

За стрелкой «К жилым домам» начиналась лестница.

Вера остановилась на верхней площадке. Ступени уходили между подпорной стеной и кирпичным торцом мастерской; снизу виднелись два двора, ради которых их позвали проверить обход. До подъездов было недалеко.

Женщина с сумкой на колёсах поставила её на край площадки.

— Я здесь спущусь. Только обратно с покупками не пойду.

Мужчина, пришедший вместе с ней, даже не подошёл к ступеням. Держал трость в правой руке, левой поправлял ремень сумки на плече.

— Мне и вниз не надо, — сказал он. — Дальше покажите.

Представитель городской службы посмотрел в телефон. На схеме спуск был ровной серой полосой.

— В проходах он есть.

— Он и на земле есть, — ответила Вера. — Ступени в вашей схеме есть?

Тот увеличил изображение, затем выключил экран.

— Нет.

Было семь вечера. Вера успела закончить школьный день, отнести журналы в учительскую и переобуться. В сумке осталась тетрадь с вложенными работами: завтра двум ученикам предстояло объяснить, почему они получили одинаковый результат из разных исходных чисел. Сейчас она отвела на обход час. Об этом служба знала ещё до встречи.

Утром люди ходили мимо жёлтой двери мастерской. После расширения закрытой зоны привычный путь пересекли барьерами. Новую стрелку поставили уже по отдельной задаче, переданной из полевой программы; от Веры требовалось проверить её вместе с теми, кто действительно пользовался проходом.

Никто из них не заходил за ограждение. Издали были видны фургон лаборатории и пустая полоса у стены. Вера старалась туда не смотреть. О Матвее она знала только то, что сообщили официально: пострадавший доставлен в больницу. Тимур написал утром: «Сам цел». Потом прислал ещё два коротких ответа, оба о работе.

— Есть через хозяйственный двор, — сказал представитель службы. — Там без ступеней. Вернёмся к углу.

Женщина забрала сумку.

— Через большие ворота?

— Через пешеходную створку.

— Она в восемь закрывается.

Работник не стал спорить. Набрал номер и включил громкую связь, предупредив собеседника, что стоит с участниками проверки. Со стороны двора ответили после нескольких гудков. Оставлять створку открытой на ночь не собирались: за ней находились склады, а охранник не мог бросать пост ради каждого проходящего.

— То есть на сегодня до восьми? — уточнил работник.

— По действующему порядку. Если хотите иначе, согласуйте с руководителем.

Он поблагодарил и закончил разговор.

Вера посмотрела на мужчину с тростью.

— Вы до которого возвращаетесь?

— Я по-разному. Но сына сюда не подпишете. Он в другом конце города.

— Не подпишем.

— А то сейчас скажете: пусть встречает.

Женщина подтянула ручку сумки. Ей хотелось идти, а не стоять на ветру у лестницы.

— Я могу помочь, когда сама здесь, — сказала она. — Сумку поднять могу. Только не каждый вечер.

Представитель службы повернулся к Вере:

— У вас районный чат работает? На первое время можно сопровождение через него. Пока согласуем ворота.

— Предложить людям помочь друг другу можно. Записать это как действующий обход — нельзя.

— Не навсегда же.

— На сегодня тоже нельзя. Кто придёт в половине девятого? Кто завтра утром? Если никто не отзовётся, человек где останется?

Работник провёл ладонью по затылку. Он был без головного убора; ветер поднимал короткие волосы над воротником.

— У меня в задании организация прохода, не социальное сопровождение.

— Тогда нужен проход, которым можно воспользоваться без вызова добровольца.

Мужчина с тростью кивнул в сторону улицы.

— С торца можно до водосточного лотка, потом вдоль магазина. Я раньше так ходил. Дольше.

— Там борт, — сказала женщина.

— У въезда понижение. Только машины ставят.

Работник снова открыл схему. На этот раз попросил их подождать, пока сверит внешний тротуар с границей закрытия. Вера отошла к стене, но не прислонилась: краска была мокрой после недавнего дождя. На телефоне появилась просьба из чата прислать фотографию места происшествия. Она ответила, что занимается проходом, и убрала телефон.

Через несколько минут они пошли по длинному варианту. Он целиком оставался снаружи закрытой территории и не требовал проходить через хозяйственные ворота. У магазина дорогу действительно загораживала машина доставки. Женщина остановила сумку перед бампером.

— Здесь утром ещё хлебная бывает.

Работник вошёл в магазин. Водитель вышел вместе с ним, выслушал, переставил машину к другому краю разгрузочной площадки. Освободилось понижение тротуара. Мужчина прошёл первым, без помощи, но перед подъёмом на другую сторону остановился перевести дыхание.

Вера не спросила, удобно ли ему вообще ходить. Дождалась, пока он сам покажет на стык асфальта.

— Тут колесом цепляет, — сказал он женщине.

Та провела сумку чуть левее.

— Здесь проходит.

Они дошли до входа во второй двор. Вера оглянулась: с этого места было видно, где путь поворачивал к магазину, но не было видно первой стрелки. Незнакомый человек мог пойти прямо к закрытому проходу.

— Указатель нужен и отсюда, — сказала она. — И до лестницы, чтобы люди не спускались зря.

Работник фотографировал маршрут, не включая в кадр участников.

— Через магазин не идём, ворота не используем. На въезде оставляем свободную полосу. Указатели на обоих концах и у развилки.

— Кто оставляет? — спросила Вера.

— Наш участок. Сейчас передам дежурному.

Он назвал в разговоре номер задачи, перечислил места и попросил подтвердить, что служба берёт не только установку стрелок, но и дальнейший контроль прохода. На том конце

уточнили, кто обеспечит освобождение въезда утром. Пришлось ещё раз связаться с магазином и передать вопрос ответственному по территории.

Вера смотрела на часы, но не торопила. Женщина рядом достала из сумки хлеб и переложила его наверх, чтобы не помять.

К девятнадцати двадцати пяти у дежурного было принято продолжение задачи. Работник показал Вере ответ: длинный внешний маршрут согласован, перестановка указателей поручена находившейся неподалёку бригаде; контроль свободного прохода и сообщения об изменениях остаются за городским участком. Его служебный номер должен был появиться на объявлениях.

— От нас что ещё? — спросила женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.